

Труш Владимир Михайлович

канд. психол. наук, психолог
ФКУ ИК-16 УФСИН России по Мурманской области
пгт Мурмаши, Мурманская область

Гомонов Николай Дмитриевич

д-р юрид. наук, профессор, профессор
ФГАОУ ВО «Мурманский арктический университет»
г. Мурманск, Мурманская область

Тимохов Виктор Петрович

канд. юрид. наук, доцент, профессор
Рязанский филиал
ФГКОУ ВО «Московский университет
МВД России им. В.Я. Кикотя»
г. Рязань, Рязанская область

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА: ВОЗМОЖНОСТИ КОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКОГО И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ

Аннотация: в статье представлена, с учетом новейших изменений критериев и акцентов криминальной значимости совершаемых преступлений, методология рассмотрения личности преступника, исходя из результатов его речевой деятельности. Проанализированы теоретические основания данного подхода – принцип лингвистической относительности, концептология и психолингвистика.

Ключевые слова: терроризм, криминогенная зараженность личности, концепт, психолингвистический стиль личности, прогностичность осуществляемой деятельности.

Современный период жизнеосуществления глобальных экономических, политических и социальных процессов как во внешнеполитическом, так и на внутривнутриполитическом плане характеризуется принципиальной и порой диаметрально

противоположной позицией ранее незыблемых и, как казалось, таких устойчивых парадигм. Мир меняется!

Оказывается, возможны военные конфликты внутри практически одной социальной группы, безнаказанный террористический акт подрыва технических международных коммуникаций, реальным является насильственное похищение законно избранного президента независимого государства. Перечень можно продолжить. Частота проявлений подобных социально-политических феноменов настолько увеличивается, что естественно формирует в сознании рядового обывателя состояние устойчивой неопределенности и непредсказуемости своей бытийной перспективы. Характеристики и уровень осознанности осуществляемой деятельности существенно снижаются.

Следствием процессов указанного рода является возникновение и последующее накопление базовой тревожности как у отдельного конкретного индивида, так и у огромных социальных пластов. Учитывая, что тревога как феномен является исключительно субъективной при охвате обширных слоёв масс и групп населения, порождает почву для девиантного реагирования и препятствием формирования основ конструктивных межличностно-социальных связей. Соответственно, имеющиеся нравственные, этико-моральные барьеры рушатся, выходя на поверхность архаические форматы поступков и стереотипов отношений – предательство, воровство, насилие, измену. Подробный перечень сценариев и сюжетов представлен в образцах мифологии практически всех культур.

В актуальной криминальной хронике в отдаленном прошлом осталось содержание «классических» форм преступлений – телесные повреждения при разрешении бытовых конфликтов, воровство из продуктового магазина или на производстве, месть из ревности или личной неприязни даже с летальным исходом. Лица, их совершавшие характеризовались, как правило, устойчиво маргинальным образом жизни, состоявшимся делинквентным поведением в социуме, устойчиво сформированной направленностью и личностными особенностями, благоприятствующими преступному формату поведения. Не обесценивая ущерб от совершенных в описанном варианте преступлений и не принижая страдания

потерпевших и жертв, указанный пласт правонарушений является прогностически допустимым.

В современный период актуализировались преступления совершенно иного психосоциального уровня – акты терроризма, одиночные расстрелы невинных граждан, как правило, в государственных учреждениях и общественных местах. Обнажились коррупционные схемы самого различного вида и основания, злоупотребления должностными полномочиями и служебный подлог. Активно проявляются преступления, ответственность за которые регулируется Гл. 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и служб в органах местного самоуправления».

Происходит активизация и манифестация так называемой «беловоротничковой преступности». Данный термин был введен в научный оборот американским криминологом Эдвином Сатерлендом [1, с. 9] и в современных условиях российской действительности указанная преступность расцвела самым пышным образом.

Авторы не считают целесообразным дублировать сводки уголовной хроники и впечатляющий перечень значащихся в них должностных лиц на высоких государственных постах. Достаточно сказать, что за 9 месяцев 2025 года [2] сотрудниками следственного комитета РФ было возбуждено уголовных дел в отношении 900 фигурантов, среди которых 500 лиц с особым правовым статусом – сотрудники высшего руководства в Минобороны России, МВД и Росгвардии РФ, представители судебной системы, чиновники регионального уровня руководства.

Следует отметить, что обвиняемые по указанным видам преступлений далеки от маргинальных окраин общества. У них, как правило, высокий образовательный и культурный уровень, они прошли значимую во всех отношениях карьерную и правовую проверку на государственную лояльность. Но, тем не менее, в определенный момент их жизнеосуществления произошла личностная правовая мутация, ставшая основанием совершения преступления.

Таким образом, следует отметить, что успешная служебная карьера, высокий материальный достаток, более чем достаточный образовательный и культурный уровень могут совмещаться с возможностью сознательного, спланированного преступного деяния – осознанного личностного акта действия.

Возникает вопрос, не является ли вышеизложенное созвучным утверждениям немецкого философа Теодора Адорно о принципиальной невозможности утверждения позитивной бытийной позиции индивида как такового [3, с. 322–323]. Ведь количество жертв только в одном Освенциме превышает 1 млн человек. И эти злодеяния были совершены образованными людьми, знакомыми с образцами высокой культуры. Ни одно столетие не обходится без глобальных вооруженных конфликтов, в которых гибнут миллионы людей и тратятся астрономические суммы денег. В современных криминологических исследованиях [4; 5, с. 301 – 315] явно прослеживается тенденция личной насильственной основы лиц, совершавших рассматриваемый вид преступлений. Тематика и формат данной публикации не позволяют более полно погрузиться в сущностные основания вида *homo sapiens sapiens* с позиции социальной антропологии, что требует отдельного рассмотрения.

Авторы на протяжении ряда лет (2009–2023 гг.) разрабатывали подход исследования и оценки личности преступника, основанном на гуманструктурологической концепции G. Аммон [6; 7]. Результатом данного исследования стала новая психолого-правовая дефиниция – *криминогенная зараженность личности* [8]. Следует отметить похожий термин – *криминальная зараженность* уже встречается в различных криминологических исследованиях [9, с. 105; 10], который представлен как степень включенности индивида уже, совершившего преступление, в криминальную субкультуру. Однако криминогенная зараженность личности рассматривается авторами, как склонность индивида, в вероятностном смысле, к совершению преступления [11, с. 39] и определяется соотношением конструктивности к сумме деструктивности и дефицитарности гуманфункций, определяющих общую гуманструктуру личности.

Более подробно авторы, дифференцируя криминогенную зараженность личности, определяют данную характеристику индивида, как:

- свойство, которым обладает любой человек;
- преступник, по сравнению с законопослушной личностью, обладает большей степенью выраженности рассматриваемой характеристики;
- чем более выражена криминогенная зараженность, тем более тяжкие преступления может быть совершены её носителем;
- особенности гуманструктуры индивида, манифестирующие и наиболее устойчиво сформированные гуман-функции, соотносятся с особенностями совершения преступлений.

Использование Я-структурного теста G. Ammon (Ю.Я. Тупицин, В.В. Бочаров, и др., 1998) в сочетании с другими психодиагностическими методиками (т. ММРІ, т. Мини-мульти, т. НПУ, т. ИЖС, т. L. Szondi, т. M. Luscher, «Hand-test») в сравнительных исследованиях гуманструктуры [7, с. 287; 8] осужденных преступников и законопослушных граждан позволило выявить статистически достоверно значимые различия. Этот факт позволяет утверждать, что *криминогенная зараженность личности* может быть одним из оснований для прогностической оценки индивида – вероятностную склонность к совершению преступлений.

Заявленный метод исследования криминогенной зараженности личности [8, с. 104–111] позволяет в исчисленных значениях заявленных величин и коэффициентов описать различные аспекты рассматриваемого понятия. Однако, именно необходимость прохождения процедуры тестирования может являться проблемной стороной данного подхода. На проведение данной процедуры субъектом значимого интереса необходимо его согласие, а также возможны явные / неявные искажения достоверности.

Поэтому следующим этапом проводимого исследования является сравнительный анализ лиц, обладающих различным уровнем криминогенной зараженности по иным базовым основаниям, не связанным с какой-либо процедурой обследования. На наш взгляд таким основанием может быть когнитивная сфера ин-

дива (мышление), представленная в вербальной либо письменной репрезентации. Авторы опирались на принцип лингвистической относительности, известный как «гипотеза Сепира-Уорфа» [12], смысл которого заключается в идее представленности влияния структуры языка на восприятие, память, особенности мышления и особенности других когнитивных стилей [13, с. 9–10].

На настоящий момент авторами предложено и разрабатывается две основных линии в данном направлении – выявление *концепта* [14, с. 269] исследуемого объекта речевой деятельности индивида и определение *психолингвистического стиля*, исходя из морфологического анализа текста. Совмещение этих двух подходов позволяет оценить реализацию потребностно-побудительной, смысловой сферы индивида в сочетании с вероятностной возможностью их деятельностной реализации.

Заявленный подход позволяет оценить личностные особенности индивида, вероятностную направленность и прогностичность его жизнеосуществления, основываясь на образцах его речевой деятельности.

Список литературы

1. Sutherland E.H. White Collar Crime / E.H. Sutherland. – New York: Dryden Press, 1949. – 272 p.
2. Борьба с коррупцией в 2025 году: системный подход и новые тренды // Life.ru. – 2025. – 26 дек. – URL: <https://life.ru/p/1820628> (дата обращения: 14.02.2026).
3. Адорно Т.В. Негативная диалектика / Т.В. Адорно; пер. с нем. Е.Л. Петренко. – М.: Научный мир, 2003. – 374 с.
4. Silver J. Shared struggles? Cumulative strain theory and public mass murderers from 1990 to 2014 / J. Silver, J. Horgan, P. Gill // Homicide Studies. – 2019. – Vol. 23. No. 1. – P. 64–84.

5. Гомонов Н.Д. Криминогенные детерминанты терроризма / Н.Д. Гомонов, В.М. Труш, В.П. Тимохов // Интеграция науки и практики: стратегии для устойчивого развития: сборник статей IX Международной научно-практической конференции. – М.: Новые научные исследования, 2026. – С. 303–315.
6. Аммон Г. Динамическая психиатрия / Г. Аммон. – СПб.: Психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, 1995. – 200 с.
7. Очерки динамической психиатрии. Транскультуральное исследование / под ред. М.М. Кабанова, Н.Г. Незнанова. – СПб.: Институт им. В.М. Бехтерева, 2003. – 438 с.
8. Труш В.М. Криминогенная зараженность личности: монография / В.М. Труш, Н.Д. Гомонов. – М.: Юстицинформ, 2023. – 284 с.
9. Шатровой О.В. Подходы к пенитенциарному воспитанию как составляющей социально-психологической безопасности / О.В. Шатровой, А.А. Канчурина // Молодой ученый. – 2014. – №18-1. – С. 104–107. EDN SYASFJ
10. Савушкин С.М. Криминальная зараженность осужденных к лишению свободы как фактор их дифференциации / С.М. Савушкин // Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. – 2022. – №4 (19). – С. 124–130. DOI 10.46741/2713-2811.2022.19.4.014. EDN ZXONZO
11. Труш В.М. Криминогенная зараженность личности преступника: понятие, основание и реализация / В.М. Труш, Н.Д. Гомонов // Юридические исследования. – 2017. – №12. – С. 35–63. – URL: http://e-notabene.ru/lr/article_24714.html (дата обращения: 18.02.2026).
12. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир; пер. с англ.; общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. – М.: Прогресс; Универс, 1993. – 656 с.
13. Бородай С.Ю. Язык и познание: Введение в пострелятивизм / С.Ю. Бородай; отв. ред. В.А. Лекторский, А.В. Смирнов. – М.: Сандра: ЯСК, 2020. – 800 с.

14. Аскольдов С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология / под общ. ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267–279.